

ple they confuse the English [æ] with [e] which results in confusing singular with plural in the irregular nouns, for example "man" [mæn] and "men" [men]. The English contrastive monophthongs sometimes cause substantial problems in the learners' articulation as well as perception of utterances because the difference between them is not that much exercised in the Albanian language. This is because, differently from the English language, vowel length in the Albanian language is neither a phonetic aspect, nor a phonological one. To emphasize an issue or express different attitudes and emotional effects, Albanian vowels are sometimes lengthened to some degree. Standard Albanian has got 27 consonants. The main division of the Albanian consonants is: voiced consonants and voiceless ones. Like the English language they are divided into: stops (sounds which are made by interfering with the airstream passing through the mouth by closing the oral passage), fricatives which are quite similar to the English consonants, affricates (which are formed by closing the air passage as for a stop and releasing it through a narrow space as for a fricative). In Albanian the apical affricates "c" and "x" (like English "ts" and "dz", respectively) are not very frequent, but unlike their English counterparts, they may appear at the beginning of syllables as well as at the end.

Another problem encountered by the Albanian learners is the pronunciation of the phoneme [w]. Neither the letter "w" nor the phoneme [w] exist in the alphabet of the Albanian language. It is rather difficult for the Albanian learners to distinguish the pronunciation of [w] from [u], they pronounce them almost in the same way. The Albanian linguists "are faced with the problem to find a solution for a new letter to be added to the Albanian alphabet." [1]

Problems related to the syllable division

Languages differ in the way they divide the stream of speech into syllables and in the structure or makeup of their syllables. Languages react in various ways when two or more of their speech sounds come together. Assimilation takes place if one of the sounds changes to become similar to its adjacent sound. Elision may occur when two or more sounds come together. Languages vary in the way they link together or separate words and phrases. Syllables in English are of two types: opened syllables which end in a long vowel or diphthong and closed syllables which end in consonants. The closed syllable is the most common spelling unit in English; it accounts for just under 50 percent of the syllables in running text. When the vowel of a syllable is short, the syllable will be

closed off by one or more consonants. Therefore, if a closed syllable is connected to another syllable that begins with a consonant, two consonant letters will come between the syllables (com-mon, but-ter). If a syllable is open, it will end with a long vowel sound spelled with one vowel letter; there will be no consonant to close it and protect the vowel (to-tal, ri-val, bi-ble, mo-tor). Therefore, when syllables are combined, there will be no doubled consonant between an open syllable and one that follows. A few single-syllable words in English are also open syllables. They include me, she, he and no, so, go. A special kind of syllables in English is that syllable which is formed with sonorants, for example: peo-ple [pi:-pl]. In Albanian language the syllables are mainly open syllables, i.e. the border is after the vowel, for example: fsha-ti, qy-te-ti etc.

Conclusions

The above analysis, interpretation and exemplification have clearly revealed that the Albanian speaking EFL learner encounters diverse phonetic and phonological problems resulting from three basic causes. (a) the differences between the mother tongue and the target language, (b) mother tongue interference and (c) the faulty and inadequate teaching of EFL pronunciation. Therefore, we have to address and reduce these causes with a view to lessening the phonetic and phonological difficulties, on the one hand, and ensuring the smooth and optimal learning of EFL pronunciation on the other. The problems caused by the differences between the phonetic and phonological elements of the learner's mother tongue and those of the target language, MTI and/or the faulty and inadequate teaching of EFL pronunciation can be reduced and solved to a substantial extent by appropriately treating them in the teaching process that directly deals with varied linguistic aspects including the phonetic and phonological ones.

Bibliography

1. Lloshi, Xh. *Studia Albanica*, Facing the globalization: the case of the Albanian language, 2/2005, p.52,
2. Roach, P. *English Phonetics and Phonology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
3. *The orthography of Standard Albanian*, 1973, p.70
4. Dauer, *Accurate English, Rhythm*, 1993, p.83
5. Alan, C. *Gimson's Pronunciation of English*, Oxford 2001
6. Shqipja Standarde dhe Shoqeria Shqiptare sot, Tirane, 2003
7. *Morfologjia e gjuhës shqipe*.

ДОЛГ В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЯХ

Карачина Ольга Евгеньевна

канд. филол. наук, доцент Международного гуманитарно-лингвистического института, г. Москва

DEBT IN RUSSIAN AND ENGLISH PROVERBS

Karachina Olga, Candidate of Science, associate professor of International Institute for Humanities and Linguistics, Moscow

АННОТАЦИЯ

Данная статья рассматривает специфику осмысления концепта «долг» в русских и английских паремиях. Применяемая методика анализа концептуального содержания в виде фреймов позволяет выделить сходные и культурно-обусловленные черты концепта, закреплённые в русскоязычном и англоязычном сознании.

Ключевые слова: долг, концепт, фрейм, слот, сценарий, паремии, когнитивный признак

ABSTRACT

The article looks into the national peculiarities of debt conceptualization reflected in Russian and English proverbs. Applying the frame-based knowledge representation theory, the analysis highlights common and culturally specific features of Russian and English perception of debt.

Kew words: debt, concept, frame, slot, scenario, proverbs, cognitive feature

«Felix, qui nihil debet» - «Счастлив тот, кто ничего не должен». Это латинское изречение приобрело особенно актуальное звучание в наше время, когда долг стал не только формой бытовой услуги в структуре межличностных отношений, но и изощрённым финансовым механизмом общественной манипуляции. Как любой социально- и личностно значимый феномен долг на протяжении веков осмысливался в всей совокупности своих понятийных, поведенческих и оценочных составляющих и семантизировался в определённые языковые формы. При этом в каждой культуре язык отражал, наряду с универсальными, общечеловеческими этическими константами, специфику концептуализации мира и эмоциональный опыт конкретного этноса. Это особенно ярко демонстрируют пословицы и поговорки, аккумулирующие историческую мудрость народа. Даже те из них, которые вышли из активного употребления, не утратили своей эпистемологической ценности. Продемонстрируем это на материале сравнения отобранных из словарей [1], [2], [4], [5], [6], [7] русских и английских паремий, репрезентирующих концепт «долг».

Для выделения когнитивных признаков долга, получивших в силу своей коммуникативной актуальности фиксацию в паремиологическом фонде сравниваемых языков, воспользуемся фреймово-слотовой терминологией концептуального анализа. Понятие фрейма давно используется в когнитивной лингвистике (с тех пор как оно было введено М. Минским в 1974 [9, с. 211-217]) для обозначения единиц знаний, организованных в концептуальные системы, вокруг некоторого концепта, содержащего основную, типическую и потенциально возможную информацию, ассоциируемую с тем или иным концептом [3, с.16]. Содержание фрейма структурируется в виде слотов, представляющих типичные компоненты ситуации, и сценариев, отражающих данные компоненты в динамике.

Исходя из онтологической бинарности долга, который всегда подразумевает наличие двух взаимодействующих сторон, в структуре фрейма «долг» можно выделить три основных слота: «брать в долг», «давать в долг» и «отношение между должником и одалживающим». Внутри этих слотов выделяются сценарии, отражающие поведенческие модели с характерной для них эмоционально-оценочной спецификой.

Слот «брать займы» представлен следующими сценариями:

1) Накопление долгов. В данном случае в обоих языках реализуется количественный признак большого количества долгов. Зачастую для этого используется метафорическое уподобление долга субстанции, в которой можно утонуть / увязнуть: В долгу, как в море: ни дна, ни берегов. В долгах по горло / по уши. Ср. с англ. He is over head and ears/ up to neck/ the eyes / the armpits in debt. - Он в долгах по уши/ по горло / букв. глаза / подмышки. В русском языке качество «большой долг» может осмысливаться в терминах вещного кода (зд. одежда человека - В долгах как в шелках / в репьях), при этом экспрессию выражения усиливает аксиологическая котрадикторность

компонентов – отрицательный заряд «в долгах» и положительный заряд «в шелках». Очевидно, ироничность вместе с эвфоническим эффектом позволило этому выражению остаться более востребованным, чем его фразеосиноним (В долгах как в репьях), который апеллирует к растительному коду. «Репей» - слово-символ в русском языке, который обозначает то, от чего трудно отделаться (Ср. с «Пристал, как репей»). Другим используемым в данном случае словом-символом русской идиоматики является «блоха», которая имплицитно одновременно и большое количество и то, от чего трудно избавиться (Долгов, что блох – не оберёшься).

2) Возвращение долга. В данном сценарии превагирует регулятивный признак обязанности вернуть долг: Долг платежом красен. Сколько не занимать, а быть платить. Debt must be paid.

Помимо этого ярко представлен признак психологической трудности возвращения долга: Бери, да помни: не штука занять, штука отдать. Умеешь взять, умей отдать. В долг брать легко, а платить тяжело. Хотя для невыплаты долга можно назвать много объективных причин (например, физическую невозможность в виду материального положения), тем не менее, определяющим является именно психологический фактор. Глубинная философия долга основывается на экзистенциальной оппозиции «Моё – Чужое» со сложной системой когнитивных маркеров. Пока деньги в руках кредитора они - чужие, но, как только вам позволили их иметь, и они перекочевали в ваш кошелек, они – наполовину уже ваши. Но как только вы приобрели на эти деньги вещь, то эта вещь – только ваша. Материальный долг превращается в нечто несуществующее, виртуальность, подкрепляющуюся только вашей обязательностью, степень которой находится в прямой зависимости от степени формальности отношений (чем в более близких отношениях находятся кредитор и должник, тем менее остро чувствует последний своё долговое обязательство). Заставить себя превратить виртуальный долг вновь в материальный трудно, так как в уплату долга вы отдаёте СВОИ деньги. Именно этот смысл и передаёт на первый взгляд парадоксальная пословица: Берёшь чужое – отдаёшь своё.

Психологическая трудность возвращения долга обуславливает временной признак затягивания уплаты долга: У долга и век долог. Есть даже спорное предположение, что «долг» и «долгий» связаны этимологическим родством: долг – потому что долг приходится ждать его возвращения [8].

3) Эмоциональное состояние. Признак отрицательной эмоциональности, репрезентированный эмоциями тревоги, уныния и т.п., вызванными гнётом обязательства вернуть долг, ярко представлен в обоих языках: Долг не ревет, а спать не даёт. Кто любит занимать, тому не сдобровать. Ср. с англ. He that goes a-borrowing, goes a-sorrowing – Кто занимает, тот в печали пребывает. Также, в русском языке к группе отрицательной эмоциональности относится унижение, сопряжённое с необходимостью просить в долг: Заниматься, что побираться.

4) Материальное положение. Цель долга – поправить материальное положение - в конечном счёте, приводит к обратному эффекту, что и закрепляется в признаке «корреляция с бедностью». Этот признак актуализируется посредством либо отождествления состояния задолженности и бедности, либо посредством присвоения долгу более низкого аксиологического статуса: Заниматься, что побираться. Займом богат не будешь. Взаимы не брав, хоть гол, но прав. Ср. с англ. Debt is the worst form of poverty - Долг – худшая форма бедности. Better go to bed supperless than rise in debt – Лучше лечь спать без ужина, чем проснуться с долгом. Как видно из примеров, корреляция осуществляется как прямыми констатациями, так и метафорическими противопоставлениями долга и когнитивных ассоциаций бедности (рус. – отсутствие одежды, англ. – отсутствие еды).

Слот «давать взаимы» представлен похожей конфигурацией сценариев и когнитивных признаков, связанных отношениями каузации с содержанием слота «брать взаимы».

- 1) Сценарий «собирать долги» с ярко выраженным признаком психологической трудности представлен в русских поговорках, помимо прямых констатаций (Не мудрено дать, мудрено взять), также прототипическими ситуациями хождения, где имплицитруется физическая усталость от движения (Отдаёшь руками, а не выходишь и ногами), и изнурительного подъёма груза в гору с параллельной референцией к мифологическому прототипу сизифова труда (В долг давать – в гору летать, долг собирать – в гору таскать). В английском языке соответствующие поговорки либо констатируют уклонение от уплаты (Omittance is no quittance – Уклонение от уплаты - не решение проблемы), либо апеллируют к прототипической ситуации «обещание действия вместо действия» (Words pay no debts – Слова долг не возвращают).
- 2) Эмоциональное состояние представлено признаком отрицательной эмоциональности, который актуализируется эмоциями нетерпения, раздражения, печали: Не тужи, кто берёт, тужи, кто взаимы даёт. Взаимы брать – других учить, взаимы давать – себя казнить.
- 3) В сценарии ожидания уплаты долга доминирующим является временной признак долгого ожидания. Зачастую, этот признак в русском языке актуализируется в поговорках со словом-символом «память». Как свойство человека хранить информацию в течение определённого времени память уже содержит в своей семантике хронотопный признак: Долг помнит не тот, кто берёт, а тот, кто даёт. На заём память одна, на отдачу другая. Также, важно и то, что русские поговорки и поговорки зафиксировали терпимость к старым долгам, которые могут и забываться и прощаться: Стар долг, да кто ж его помнит? Коли взято давно, то и забыто оно. Старый долг собрать, что клад найти. Сравним с английской поговоркой: A loan, though old, is not a gift – Долг, хоть и давний, все же не подарок.

Слот «отношение между должником и одалживающим» реализует универсальный для всех культур признак деструктивности долга. Значение «долг разрушает межличностные отношения» широко лексикализован в

русском и английском языках: Не дать взаимы – ссора на время, а дать взаимы – ссора навек. Если хочешь врага нажить, так дай ему в долг денег. В долг давать дружбу терять. Ср. с англ. If you want to keep a friend, never borrow, never lend – Если хочешь сохранить друга, никогда не бери и не давай взаимы. Short debts make long friends – Скоро возвращаемые долги делают дружбу продолжительной. Как видим, дружба в обеих культурах выделяется как среда наиболее уязвимая, так как в силу повышенной степени неформальности общения, она становится наиболее вероятным источником одалживания, и эта же неформальность отношений способствует понижению планки обязательности должников. Также, деструктивность долга проявляется в зависимости должника от своего кредитора. В английском языке это лексикализуется на основе прототипических отношений «господин – слуга / раб»: A borrower is a servant to the lender – Должник – слуга кредитора. Любопытно, что в русских поговорках высвечивается несколько иной аспект поведения должника – контраст между ласково-просящей манерой во время одалживания и полным игнорированием после: Займет ходит, а платит, так кругом обходит. Займет, так сватушка-сват, а занял, так и чёрт не брат.

С признаком деструктивности долга коррелирует ещё один признак, представленный в английских поговорках – «лучше подарить, чем дать взаимы». Выработанный в процессе долгой истории английский прагматизм финансовых отношений рекомендует дать безвозмездно меньшую сумму, нежели чем одалживать более крупную сумму, взваливая на себя тяжёлое бремя долговых отношений (тяжёлое, по-своему, и для должника, и для кредитора): Better give a shilling than lend a half-crown / Better give a penny than lend twenty – Лучше дать даром шиллинг, чем в долг полкроны / Лучше дать даром один пенс, чем в долг двадцать пенсов.

Итак, обобщая вышеприведённые данные, мы можем заключить, что русские и английские поговорки характеризуются преобладающей общей пейоративностью, что отражает исторически закреплённое осуждение долга во всех его проявлениях. Как ментальный конструкт, концептуализирующий бытийный фрагмент, долг представляет собой фрейм, состоящий из трех слотов: «брать в долг», «давать в долг» и «отношение между должником и одалживающим». Применяя фреймовую матрицу к паремииологическому материалу, мы получаем в совокупности 10 когнитивных признаков долга, выделенных историческим опытом как наиболее существенные. Сопоставительный анализ позволяет установить как сходство, так и различие в степени выраженности этих признаков в сравниваемых культурах. Так, и в русском и в английском языке одинаково ярко выделяются следующие признаки: количественный признак большого долга, регулятивный признак необходимости вернуть долг, психологический признак трудности получения долга назад, признак корреляции с бедностью и признак деструктивности долга. Вместе с тем, в русском языке обширно лексикализуется признак психологической трудности возвращения долга, временной признак долгого ожидания возврата долга и признак отрицательной эмоциональности, сопряженной с негативными чувствами кредитора. Национальная специфика проявляется также в характере актуализации временного признака: в русскоязычной культуре, согласно поговоркам, закреплено более терпимое отношение к забыванию

/ прощению долга. В целом, русские пословицы характеризуются большей эмоционально-экспрессивной окрашенностью с особым акцентом на внутренних переживаниях и межличностных отношениях. Английские пословицы более прагматически ориентированы и чаще предлагают констатирующее описание поведенческих моделей, типичных для ситуации одалживания. И наконец, анализ языковых форм, вербализующих долг, позволяет заключить, что русское сознание стремится комплексно осмыслить ситуацию долга, что проявляется в превалировании конструкций антитезного сопоставления признаков внутри когнитивной оппозиции «брать займы – давать займы»

Литература

1. Дейк Ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / сост. В. В. Петрова, под ред. В. И. Герасимова. - М.: Прогресс, 1998. 310 с.
2. Пословицы и поговорки. – Мн.: Харвест, М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. 320с.
3. Пословицы и поговорки: Русско-английский фразеологический словарь: 2258 статей / Т. П. Клюкина, М. Ю. Клюкина-Витюк. М.: Билингва, 1996. 335с.
4. Русско-англо-латинский словарь крылатых слов и выражений / А. С. Альбов. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2006. 606 с.
5. Этимологический словарь Крылова. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://enc-dic.com/krylov/Dolg-1886.html> (дата обращения 30.04.2015).
6. Minsky, M. A framework for representing knowledge. In P. H. Winston, Ed., *The Psychology of Computer Vision*. New York: McGraw-Hill, 1975.
7. *Modern Proverbs and Proverbial sayings* / B. J. Whiting. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts and London, England. 1989. 710 p.
8. *Random House Dictionary of Popular Proverbs and Sayings* / G. Titelman. Random House, New York, 1996. 468 p.

ПЕРЕВОД ЭМОЦИОНАЛЬНОГО МЕЖДОМЕТИЯ «ОН» С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ С. КИНСЕЛЛЫ «ТАЙНЫЙ МИР ШОПОГОЛИКА»)

Ковязина Марина Анатольевна

кандидат филол. наук, доцент, Тюменский Государственный Университет, г. Тюмень

Семенова Вероника Александровна

студентка 4 курса, Тюменский Государственный Университет, г. Тюмень

THE TRANSLATION OF THE INTERJECTION "OH" FROM ENGLISH INTO RUSSIAN (BASED ON "THE SECRET DREAMWORLD OF A SHOPAHOLIC" BY S. KINSELLA)

Kovязина Marina, Candidate of Science, associate professor of Tyumen State University, Tyumen

Semenova Veronika, student of Tyumen State University, Tyumen

АННОТАЦИЯ

В статье предпринимаются попытки выявить наиболее продуктивные способы перевода междометия *oh* и его производных с английского на русский язык на материале романа британской писательницы С. Кинселлы «Тайный мир шопоголика». Корпус контекстов употребления первичного междометия *oh* и его производных из текста оригинала (296 единиц) распределяется по пяти структурно-семантическим группам. Внутри каждой группы определяются продуктивные способы перевода междометия *oh* и его производных.

ABSTRACT

The article presents the results of a research aimed at identification of the most productive ways to translate the non-derivative interjection *oh* and its derivatives from English into Russian. The research is based on the novel "The Secret Dreamworld of a Shopaholic" and its translation into Russian. The set of primary interjections *oh* and their derivatives from the original text (296 units) is divided into five groups. Within each group productive ways of translating the interjection *oh* and its derivatives are identified.

Ключевые слова: междометие; перевод; эквивалент.

Keywords: interjection; translation; equivalent.

Изучение междометий играет большую роль в понимании процессов, протекающих в живой разговорной речи. Эта совершенно особая языковая единица не является до конца изученным явлением даже в рамках одного языка, не говоря уже о сопоставительном плане.

Междометия в английском языке рассматриваются в качестве периферийных элементов в системе частей речи, относящихся к паралингвистике и воспринимаю-

щихся скорее как дополнение к языку или коммуникативному акту, нежели собственно форма лингвистической коммуникации. Они формируют отдельный подкласс паралингвистических вокализаций, находящихся на границе вербальной и невербальной коммуникации. Периферийный характер междометий обусловлен и их независимостью в синтаксическом плане: они не вступают в конструкции с другими элементами, зачастую и вовсе не вписываясь в основные грамматические правила того или иного